

УДК 161

«СХОДНОЕ» И «ОБЩЕЕ». ПСЕВДОПОНЯТИЕ И ПОНЯТИЕ

© В. В. Ильин

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Россия, 119991, ГСП-1, Ленинские горы, д.1, стр. 52, 2-ой учебный корпус
Телефон: +7 (495) 939 21 13, факс: +7(495) 932 88 73
E-mail: vvilin@yandex.ru*

В центре внимания автора формирование универсально-номологических признаков предметности, фиксируемых понятием. «Общее» противопоставляется «сходному», при этом подвергаются критике методологические платформы «ассоцианизма», «наивного реализма», «эмпиризма», неспособные прояснить тайну образования понятия.

Ключевые слова: *«общее», «сходное», понятие, псевдопонятие, номологичность, ассоцианизм, эмпиризм.*

Словесные знаки, замещающие раздражители, за счет своих внутренних свойств упорядочивают, организуют, группируют восприятия. Какие процессы ассистируют данным акциям? На предметно-действенном уровне включаются сравнение, анализ, синтез, сопоставление, позволяющие выявлять, абстрагировать общее в редакции «одинаковое» – индуктивно общее, при-сущее «всем» как «многим» («все лебеди белы»). Гносеологически подобное общее – сходное, получаемое через уподобление. На логико-методологическом уровне выделение «сходного» в смысле «уподобленного» актуализирует оценку разновидностей, экземпляров, казусов, прецедентов, дающих возможность производить отсев (сепарация, абсорбция) частных признаков, достигая обобщений. На вербальном уровне стадия установления сходного сопровождается объединением «семей слов»: «Новые явления и предметы, – указывает Выготский, – называются обычно по одному признаку, который не является существенным с точки зрения логики и не выражает логически сущность... явления. Название никогда не бывает в начале своего возникновения понятием» [1, с. 193].

Если квалифицировать «конечный продукт» данных мероприятий принципиально, придется признать: поскольку, как задним числом известно, логико-гносеологическое «общее» генетически не вытекает из «сходного», «одинакового», на ранней стадии мыследеятельности кристаллизуется не понятие, а псевдопонятие. Статус полноправного, полноценного, гносеологически самозаконного понятия псевдопонятие обретает лишь вследствие замены «сходного» номологическим. Всесторонне раскритикованная локковская теория абстракций (разделяемая номинализмом, эмпиризмом, ассоцианизмом), к сожалению, выказывала нечувствительность к различению «общего-сходного» (акцидентального) и «общего-номологического» (эссенциального). Действительно: к примеру, «человека» как концепт можно получать в колее «сходного», группируя, ассоциируя внешние признаки. Между тем до существенного в человеке, выражаемого формулой «существо социальное, производящее орудия труда», дойти таким образом невозможно. Кроме того, по внешним параметрам к разряду «человек» в кругу «сходного» отойдут киборги, гуманоиды, роботы, иные человекоподобные создания.

Итак, наивный взгляд на понятие (методологический номинализм, эмпиризм, ассоцианизм), крепящийся на отождествлении сходного и общего, не учитывает:

а) у конденсируемых понятием отвлеченных признаков отсутствуют чувственные корреляты;

б) понятийно существенное напрямую не имеет осязаемых представлений (что продемонстрировал крах рафинированного эмпиризма XX столетия – неопозитивизма);

с) сочетание существенных, необходимых, неотъемлемых признаков, оказывающихся значением слова и именуемых понятием, не выделяется непосредственно (операционально) по номиналистско-эмпиристско-ассоцианистским методикам. Номинализм не способен устанавливать онтологические корреляты понятий; эмпиризм не проясняет фиксации концептуально сущностного; ассоцианизм, допуская редукцию понятийного содержания к чувственно данному, скатывается к наивной «зеркальности». Демаркация между гносеологическим наивом и адекватным взглядом на предметные основания мыследеятельности проходит по рубежу: наделение или лишение перцептов номологически универсального. Наивный подход вкладывает в «представление» момент закономерно всеобщего; выверенный подход такую возможность исключает. Критика гносеологического наива, став школьным местом, не заслуживает дополнительного внимания. Доктринальное оппонирование наива, вводящее нормативное: содержание понятий не редуцируемо к *sense data*; оно коррелировано с пространством предметно-тематических идеальных связей, тем не менее, оно оставляет непроясненной саму генеалогию последнего (особого пространства), легализующего экзотические «конструкты»; «абстрактные схемы», «идеалии» – воображаемые, подразумеваемые, мнимые, недействительные действительности, которые отвечают полету творческой, нескованной рутиной наличного, ищущей, свободно парящей мысли.

Поставим вопрос ребром: если содержание мыследеятельности не выводится по локковской теории абстракций из непосредственного чувственного опыта, откуда оно берется? Ответ, какой даем мы, – вполне прозрачен. Источник сверхчувственной мыследеятельности – символическая сверхчувственная культура, утилизирующая собственные приемы развертывания чувственно неданных типов реальностей. Настал черед наделить эту креативную стихию элементом верифицируемой процессуальности.

Итак: положительное человеческое познание может моделироваться как двухсторонняя порождающая активность, интегрирующая два типа полярно ориентированной эвристической деятельности.

1) Процедуры расширяющего синтеза, позволяющие в терминах конкретных предметных систем (с фиксированным логическим, семантическим оснащением) выстраивать новые абстракции, концепции. На базе основоположений (аксиом) вводится определение, позволяющее идентифицировать абстрактный объект. По такой схеме задаются наиболее абстрактные понятия – «группа», «кольцо», «поле», «топологическое пространство» и т. д. Введение, разработка понятий (идеальных объектов – идеалий) осуществляется относительно свободно, при участии воображения, нестесненного конструирования возможностей. В искусстве – разнообразятся творческие платформы; в науке верифицируются абстрактные исходы: теория групп – теория конечных групп, теория абелевых групп, теория разрешимых, нильпотентных групп, теория топологических групп. Налицо всесильное творчество в мире символических озарений «Я».

2) Процедуры сужающего анализа – объективация, материализация, предметное воплощение абстракций. Задача исключения – нахождение вещественных коррелятов, природных проекций. Скажем, понятие «тор», определяемое как «тело, образуемое вращением круга вокруг прямой, лежащей в его плоскости, но не пересекающей его», при материальном отчуждении трансформируется в наглядный образ «спасательный круг», «баранка». Как видно, сверхцель исключения абстракций – достижение наглядности, представляемости в созерцании. С гносеологической точки зрения создание духовных структур осуществляется посредством символи-

ческого комбинирования: производятся, порождаются, творятся продукты, не могущие быть полученными из эмпирии в качестве копий чувственно данных аналогов. Портрет – не калька оригинала; конструкт (теоретическое понятие) – не отображение явления. Мир символических форм – мир воображаемый, модельный, эйдетический. Это – мир духовной разработки ноуменов.

Поскольку внутренняя символическая продуктивная способность стоит у истоков рядов (идей и вещей) не только благообразных, но и одиозных, возникает острый вопрос ее санации. Ответственная роль критической инстанции отводится:

- в эмпирических науках – критерию верификации;
- в логико-математических науках – пакету критериев в виде непротиворечивости, полноты, независимости, разрешимости;
- в искусстве – принципу художественной конвенции;
- в политике – оптимальности, эффективности.

Верховным арбитром, третейским судьей с правом окончательного вердикта на ступени классической культуры объявлялась «интуиция». Показателен подход (для духовного производства) Канта: «Разум в своем эмпирическом применении не нуждается в критике, потому что его основоположения постоянно проверяются критерием опыта, точно так же не нужна критика его в математике, где понятия должны тотчас же быть показаны *a priori* в чистом созерцании и тем самым все необоснованное и произвольное сразу обнаруживается» [2, с. 591]. (При более тщательном рассмотрении, линия Канта, вводящая в абстрактные моделирования, чувственные созерцания, критики не выдерживает. Не апеллируя к созерцательно невоплотимым конструкциям типа неевклидовых геометрий, небулевых алгебр и т. п., обратим внимание на то, что, казалось бы, прозрачное геометрическое понятие «точка», естественно определяемое как нечто, не имеющее измерений, интуитивно не представляемо. Тем более, не представляема «мнимая двойная точка в бесконечности»). Показателен и подход (для практически-духовного производства) теоретика символизма Вячеслава Иванова, в число признаков символического искусства включающего «особенную интуицию», каковая вкупе с «энергией слова» непосредственно осуществляется поэтом как тайнопись неизреченного, «вбирает в свой звук многие, неведомо откуда отозвавшиеся эхом и как бы отзвуки родных подземных ключей и служит, таким образом, вместе пределом и выходом в запредельное, буквами – внешнего и иероглифами... внутреннего опыта» [3, с. 134–135].

На ступени неклассической культуры, легализующей производство и утилизацию интуитивно неочевидных конструкций (в духовном производстве – бесконечномерные континуумы, несчетные множества, алгебраические категории, поливекторы, тензоры, функторы и т.д.; в практически-духовном производстве – сюрреализм, алогизм, нигилизм, абсурдизм), символическая деятельность, символизм как состояние души *homo creatus* перестал быть слугой, превратился в хозяина. Опасность гиперболизации символического измерения человеческого существования, как отмечалось, в подмене жизни как реального процесса самовоспроизводства на собственной основе мучительной, убогой, дезориентирующей позой.

Фикционалистскую изнанку символизма развенчивал Кант, борясь с трансцендентальным применением разума на основе одних лишь символов (понятий), где «ни эмпирическое, ни чистое созерцание не содержит разум в видимых рамках», где он «крайне нуждается в дисциплине, которая укрощала бы его склонность к расширению за узкие границы возможного опыта и удерживала бы его от крайностей и заблуждений» [2, с. 591].

Из сказанного удержим во внимании только то, что интуиция не может гарантировать полную недвусмысленность символических построений без каких бы то ни было изъянов, про-

белов, непоследовательностей. Что же касается трансцендентально-символической природы разума, то следует различать применение и производство символических форм. По части применения во всех сферах духовного и практически-духовного производства вырабатываются заслоны аппликации фикций: фронтальная объективация, отчуждение символических форм (идеалы, идеалии, концепции, конструкции, схемы, системы) востребует не интуитивной, а полноценной дискурсивной экспертизы на их лояльность, толерантность жизненно важным обстоятельствам. Можно сказать откровеннее, сильнее. Жизненная ценность символических форм удостоверяется выработкой относительно них максимально критической позиции. По части производства символических форм суждение лишается признаков деонтологичности. *Ното symbolicum* не имеет шансов проявить свою сущность, кроме как символическим способом. Понимание этого, сугубо релятивизируя сомнительное «склонность к расширению» (символизм и есть в чистом виде такого рода склонность), «узкие границы возможного опыта» (символизм и есть в чистом виде преодоление такого рода границ), активизирует трансцендентальное применение разума по символам (с одним ограничением: не по одним «лишь»).

Локомоцию данному применению придает:

- тропнообразный стиль конструирования понятий;
- перманентная взаимообразная обработка перцептов коцептами и *vice versa*;
- предметооценка с выделением сходного, сходно-общего, общего;
- конденсация онтологически эссенциального, сопряжение с ним выразительных универсалий (номинация, артикуляция, вербализация);
- трансформация псевдопонятий в понятия: объединение, обобщение, абстрагирование, синтезирование признаков, групп признаков, таксономизация предметов;
- выход за пределы локальных чувственных ситуаций за счет универсализирующего символического отчуждения.

Такова генетическая развертка сюжета, позволяющая решать нетривиальную проблему возникновения понятийно общего из сходного, подобного, запечатлеваемого в общем представлении и псевдопонятии. Генетический взгляд дополняется структурно-функциональным взглядом, проливающим свет на операциональный базис описываемой трансформации. Рычагом преобразования сходно-общего, данного в псевдопонятии (предпонятии), служит применяемая символическим разумом абстракция отчуждения.

В математике (теории множеств) указанная абстракция «типичным образом проявляется в форме так называемого принципа свертывания: математик сначала формирует в языке исследования некоторое свойство $\varphi(x)$ объектов... а затем образует новый объект... – множество $\{x/\varphi(x)\}$ всех объектов x , для которых имеет место свойство φ » [4, с. 456].

Перед нами – пример символической онтологизации, приписывания существования воображаемому. Своим продуктивным измышлением через символизацию мы становимся креаторами мира эйдосов – платоновского скопища идеалий, универсалий с отрешенными, не имеющими чувственных аналогов свойствами. Если последние (т.е. свойства φ из принципа свертывания) выражаются явно, непротиворечиво, строго, однозначно (строгость, однозначность – для науки) в фигурах некоторого языка (с фиксированной операторикой, семантикой), возникают понятийно-содержательные единицы (концепты, ментальные системы, стратегии) духовного и практически-духовного опыта. В науке, отмечалось выше, оформляются аксиоматики.

Аксиоматика A_φ предполагает точное определение абстрактного объекта O_φ , т.е. «такого объекта, который не обладает никакими другими свойствами, кроме... φ . Этот воображаемый объект O_φ есть первый продукт процедуры «конструирования понятия». Первый, потому что

аксиоматика A_φ одновременно может служить и частичным определением таких «конкретных» объектов, которые являются носителями не только... φ , но и некоторых других дополнительных свойств, не противоречащих φ . Следовательно, процедура конструирования понятия φ , аксиоматически определенного посредством A_φ , порождает целый класс объектов x , родственных объекту O_φ . Этот класс и обозначается символом $\{x/\varphi(x)\}$, который используется как общее имя для всех носителей свойства φ . Каждый такой носитель... φ выступает как некоторая спецификация абстрактного объекта O_φ , а сам класс $\{x/\varphi(x)\}$, возникающий благодаря применению принципа свертывания по свойству φ , оказывается... ни чем иным, как классом конструкций, воплощающих понятие φ . Логическая сеть теорем, дедуцируемых из ... A_φ по правилам вывода принятого языка, образует аксиоматико-дедуктивную теорию T , описывающую упомянутый класс. Сам же класс $\{x/\varphi(x)\}$ играет роль «онтологии»... теории T » [5, с. 65].

Символизм, символизация, символическая культура суть конструирование (порождение) объектов-носителей $\varphi - O_\varphi$, наделяемых бытийной автономией. С гносеологической точки зрения это – гипостазис. С лингвистической точки зрения это – введение гипербол не как стилистических фигур, но как состояний реальности (мифо-поэтическая природа понятийного комплекса). С формально-логической точки зрения гипостазирование и гиперболизирование φ означают введение квантора всеобщности в редакции «акцидентальное». Если пойти на варваризм, можно сказать: вненаучное духовное и практически-духовное символическое производство этим вполне ограничиваются. Используя приведенную выше мысль Выготского, позволено зафиксировать: явления, предметы, называемые по одному признаку (введение онтологических классов-присутствий: номинация– $\{x/\varphi(x)\}$), циркулируют в вербальной коммуникации как выражения-тропы ранга псевдопонятий (предпонятий). Это потому, что универсализируемый символизацией признак $\varphi -$ акцидентальный; он не может быть эссенциально-номологическим (вербализация, артикуляция, номинация позволяют выстраивать классы как агрегации сходного, но не общего). Понятие же (выразительно совпадая с акцидентом) есть сочетание необходимо-существенного, задающего универсальное не как акцидентальное, но как обязательное. Не проводящая дистинкции выражений с квантором всеобщности, не различающая акцидентальное и эссенциальное общее в формулировках типа $\forall(x) (P(x) \rightarrow Q(x))$ локковская теория абстракций синкретизирует «сходное» и «общее», тем самым смешивает «псевдопонятие» и «понятие». Отсюда – пробелы в логике, методологии, их прямых потребителях – педагогике, дидактике. Повторим: символический прием «абстракция отчуждения» – позволяет выстраивать экзотические возможные миры (за создание которых их авторов, как мы видели, нередко приходится «прощать»), (которыми довольствуется искусство, мифология, идеология, религия, генерирующие социальные и экзистенциальные утопии), сотканные из гипербол, эллипсов, аллегорий, синекдох, многообразных метафорических уподоблений, соположений, олицетворений, – но не строгая наука. По форме статус классов объектов x по φ в науке и ненауке однотипен (символическая природа *Homo creatus* – всеобща). По содержанию статус классов $\{x/\varphi(x)\}$ в науке и ненауке разнотипен. В ненауке (и обыденности) фигурирует акцидентально общее (сходное), в науке – эссенциально общее (универсально-номологическое). В ненауке специальными исследованиями качества общего в символических контекстах не озабочиваются; ограничиваются все той же интуицией, проводящей легитимацию разнообразных «правд жизни». В поэзии умозерцание вводимых по схеме $\{x/\varphi(x)\}$ универсалий производится непосредственной интерпретацией вербально заданных жизненных многообразий. В континууме существования Мандельштама «сущность жизни» эксплицируется через родовую противоположность – смерть:

*Мы смерти ждем, как сказочного волка,
Но я боюсь, что раньше всех умрет
Тот, у кого тревожно-красный рот
И на глаза спадающая челка.*

В континууме существования Жуковского сущность того же эксплицируется так же, но дополнительно нюансируется:

*О, будь же грусть заменой упования!
Отрада нам – о счастье слезы лить!
Мне умереть с тоски воспоминанья!
Но можно ль жить, – увьи! и позабыть!*
И так далее.

Обогащение предметных контекстов идет за счет наращивания жизненных ситуаций, наделимых типичностью (авторское видение φ узаконивает класс $\{x/\varphi(x)\}$ в качестве типического, порукой чему – творческая сила удостоверения φ).

В науке специальным исследованием качества общего в символических контекстах озабочиваются. Правда, уже вне оглядки на классический призыв отчуждения φ по выделенному типу представленческой интуиции.

Современная стадия понимания природы научно-теоретической деятельности привносит в метасознание два убеждения такого рода:

1) сюжетная полифония символических изысканий предметно-тематическая версификация исследований упорядочиваются содержательными расширениями теорий с утрированием того же принципа свертывания. Различные типы геометрий, выражающие разные свойства пространств, ассоциируются по более объемному φ – многомерному континууму (новация Римана). Линию Римана усиливает подход Бурбаки, интерпретирующий «многократно протяженную величину» – φ с теоретико-множественных позиций. Результат – универсализация φ в терминах «математическая структура». Подход Бурбаки в свою очередь модифицирует новация Эйленберга-Маклейна, центрирующая не отдельные «математические структуры», а классы однотипных структур совместно с недеформирующими преобразованиями их друг в друга. Следствие – расширение φ в терминах «алгебраических категорий», охватывающих все типы изучаемых математикой объектов [5, с. 67];

2) свободное создание символических схем, систем, платформ (через конструирование понятий) – процесс далеко не произвольный, не волюнтарный. С одной стороны, он регулируется императивом непротиворечия: принцип свертывания распространяется на любые неконтрадикторные параметры φ . С другой стороны, он регулируется императивом прагматической целесообразности, эффективности, плодотворности: во избежание беспредметного теоретизирования принцип свертывания распространяется на любые созидательные (в искусстве, идеологии – духоподъемные) параметры φ , определенность которых устанавливается социокультурно с использованием предметно-практического инструментария.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. *Избранные психологические исследования*. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. 519 с.
2. Кант И. *Сочинения*. В 6 тт. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 550 с.
3. Иванов Вяч. И. *Заветы символизма // Борозды и межи*. М.: Мусагет, 1916. С. 119–144.
4. Драгалин А.Г. *Комментарии и примечания к статьям Г. Вейля «Порочный круг в современном обосновании анализа» и «Математика и логика» // Вейль Г. Избранные труды*. М.: Наука, 1984. 512 с.
5. *Философские проблемы оснований физико-математического знания*. Киев: Наук. Думка, 1989. 231 с.